А 189/158

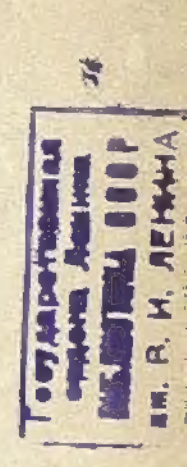

2007081200

3.708.
801-94
10888-3
A 189/158

Русскіе рабы и рабство въ Руссильонѣ въ XIV и XV вв.

A. Brutails, étude sur l' esclavage en Roussillon du XIII au XVII s. 1886 [1]).

Небольшая по объему статья Brutails'я, заглавіе которой выписано въ заголовкѣ, представляетъ собою настолько цѣнный вкладъ въ исторію института, лишь въ слабой степени разработаннаго въ исторической литературѣ, что я не счелъ возможнымъ оставить ее безъ вниманія. Она въ значительной степени пополняетъ тѣ данныя, которыя были уже и раньше извѣстны объ исторіи рабства и рабовъ въ Европѣ XIV и XV вв. и о которыхъ я имѣлъ случай говорить годъ тому назадъ на страницахъ Университетскихъ Извѣстій, разъясняетъ многія стороны юридическаго положенія рабовъ и, главное, даетъ болѣе полныя свѣдѣнія о судьбѣ русскихъ рабовъ и притомъ въ области, гдѣ объ нихъ почти ничего не было извѣстно. Что рабы и рабство существовали въ Руссильонѣ, также какъ и въ сосѣднихъ съ нимъ областяхъ: Провансѣ и Каталоніи,—на это обстоятельство не разъ уже указывали въ литературѣ. Объ этомъ говорилъ еще въ прошломъ вѣкѣ Papon, въ своей исторіи Прованса (Histoire générale de Provence, 1784, II, 210); указывали на тоже и Henry въ исторіи Руссильона, и Alart въ своихъ Notices historiques sur les communes du Roussillon, и др. Но то были не болѣе, какъ указанія, указанія, сдѣланныя вскользь, мимоходомъ. Одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ для историка источниковъ, уже не разъ, по другимъ вопросамъ, оказавшихъ большія услуги изученію исторіи учрежденій и

[1]) Помѣщ. въ revue historique de droit français, juillet—août 1886.

экономическихъ отношеній, не былъ почти затронутъ. Я говорю объ нотаріальныхъ книгахъ, которыя сохранились въ архивѣ Перпиньяна (archives du departement des Pyrénées orientales), начиная съ XIII в., и которыя то и дали богатый матеріалъ для разсматриваемой статьи.

Правда, автору пришлось работать въ области, гдѣ уже были сдѣланы первые шаги къ объясненію факта рабства на западныхъ побережьяхъ Средиземнаго моря. За пять лѣтъ до выхода его статьи, въ 1881 году, Bienvenido Oliver, авторъ книги: Historia del derecho en Cataluna, Malorca y Valencia, (Madrid 1881) и издатель кутюмовъ Тортозы, подробно изложилъ юридическое положеніе рабовъ въ Каталоніи. Но онъ ограничился лишь тѣми данными, которыя находятся въ кутюмахъ Тортозы, не коснулся вовсе вопроса о дѣйствительномъ положеніи рабовъ, объ ихъ этнографическомъ составѣ и т. п., не затронулъ исторіи рабства.

Брютайль положилъ выводы Oliver'а въ основаніе своей статьи (хотя онъ тщательно умалчиваетъ о томъ), выводы, которые вполнѣ примѣнимы и къ Руссильону, какъ области, принадлежавшей Каталоніи и Арагону. Но онъ значительно пополнилъ ихъ, придалъ имъ жизнь и мѣстный колоритъ и представилъ весьма полную картину состоянія рабовъ вообще и въ частности русскихъ рабовъ въ Руссильонѣ.

Работа его, впрочемъ, — чисто описательнаго характера. Она не удовлетворитъ того, кто захотѣлъ бы найти въ ней отвѣтъ на вопросъ о причинахъ, создавшихъ здѣсь институтъ рабства въ такое сравнительно недавнее время, какъ XIV и XV вв. Brutails ограничивается лишь замѣчаніемъ, что рабство въ Руссильонѣ обязано своимъ возникновеніемъ „многообразнымъ причинамъ", и какъ на главную указываетъ на географическое положеніе области, на близость ея къ берегамъ Африки, на соприкосновеніе съ африканскими расами. Но достаточно вспомнить, что соприкосновеніе это тянулось весьма долгое время, что оно началось еще со времени вторженія мавровъ въ Испанію, что ближайшіе сосѣди руссильонцевъ, провансальцы, уже съ давнихъ поръ участвовали въ торговлѣ рабами, а что, между тѣмъ, въ Руссильонѣ рабство возникаетъ не ранѣе второй половины XIII в., чтобы убѣдиться, что не здѣсь коренятся причины развитія института рабства въ разсматриваемой области. Объ экономическихъ причинахъ, причинахъ, несомнѣнно, создавшихъ рабство и въ Италіи и въ дру-

гихъ мѣстахъ, онъ не говоритъ, къ сожалѣнію, ни слова, и это составляетъ тѣмъ болѣе существенный недостатокъ въ его работѣ, что онъ могъ удобно исправить его, такъ какъ у него подъ руками былъ богатѣйшій въ этомъ отношеніи архивъ г. Перпиньяна.

Одинъ фактъ, сообщаемый имъ, фактъ, уже извѣстный и раньше, могъ бы навести его на мысль о значеніи этихъ причинъ чисто экономическаго характера. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ 1384 году депутаты Перпиньяна, явившіеся на собраніе кортесовъ въ Monzon, подали арагонскому королю жалобу, въ которой указали на то, что масса земель въ Руссильонѣ лежитъ впустѣ, что въ провинціи ощущается сильный недостатокъ въ хлѣбѣ, и что причина этого заключается въ чрезмѣрныхъ требованіяхъ рабочихъ насчетъ платы и въ близости французской границы, близости, дающей возможность рабамъ спасаться бѣгствомъ. Они требовали отъ короля принятія рѣшительныхъ мѣръ, и, какъ увидимъ, получили полное удовлетвореніе. Если мы сопоставимъ фактъ жалобы съ тѣми, правда, немногими данными, которыя находятся въ трудахъ Анри, Аляра, Папона и др., то смыслъ этой жалобы станетъ вполнѣ ясенъ. Замѣтимъ прежде всего, что (какъ то будетъ показано ниже) наибольшаго развитія рабство достигаетъ въ Руссильонѣ лишь во второй половинѣ XIV в. А это было какъ разъ то время, когда черная смерть 1348 года произвела страшное опустошеніе и въ Руссильонѣ, гдѣ къ концу XIV в. населеніе, уже сильно разрѣженное, подверглось новому опустошенію благодаря страшной моровой язвѣ. Во многихъ селахъ населеніе, вообще не особенно значительное въ Руссильонѣ и крайне разбросанное, уменьшилось на половину. Аляръ показываетъ, напр., что изъ 16 человѣкъ, участвовавшихъ въ сходѣ въ половинѣ XIV в. въ одномъ изъ селъ, въ XV в. осталось не болѣе 7. Извѣстно, къ какимъ результатамъ привело въ XIV в. уменьшеніе населенія въ Англіи, какъ и въ Испаніи, въ Германіи, какъ и въ Провансѣ: оно содѣйствовало сильному повышенію заработной платы сельскихъ рабочихъ, поставило землевладѣльцевъ въ крайне тяжелое и затруднительное положеніе, вызвало со стороны послѣднихъ страшный вопль, и подвинуло правительства къ изданію законовъ о рабочихъ, въ родѣ знаменитаго statute of labourers, грозившаго тяжкими уголовными карами рабочему, или не исполнявшему обязательствъ договора, или требовавшему большой платы. Повсюду установлены

были таксы зарабочей платы, и въ этихъ таксахъ какъ и въ суровости мѣръ наказанія надѣялись найти выходъ изъ кризиса. Въ сосѣдней съ Руссильономъ области, въ Провансѣ, разсказываетъ Рароп, рабочихъ вслѣдствіе черной смерти было мало, а оставшіеся требовали чрезмѣрную плату. Тогда штаты, собравшись въ Э (Aix), установили таксу и на трудъ, и на припасы, воспретили переходъ рабочихъ отъ одного владѣльца къ другому до срока договора, и объявили, что нарушившій эти постановленія штатовъ, подвергнется штрафу, а, въ случаѣ несостоятельности, къ наказанію жестокому кнутомъ (jusqu'à éffusion du sang), лицо же, возбуждающее къ неисполненію ихъ, къ отрубленію руки. Тоже происходило и въ Руссильонѣ. Но также какъ и въ Англіи, гдѣ парламенту пришлось возвышать таксу на рабочую плату, въ Кастиліи, гдѣ безсиліе закона аттестовано было на кортесахъ,—и здѣсь, въ Руссильонѣ, дѣло не поправлялось. Выходъ изъ кризиса былъ различнымъ въ различныхъ странахъ. Въ однихъ мѣстахъ средствомъ къ тому послужили либо пастбищное хозяйство и сносы крестьянскихъ дворовъ, либо послѣдовательное закрѣпощеніе крестьянъ. Въ Италіи, также какъ и въ Провансѣ и въ Руссильонѣ, отъ кризиса спасало рабство: недостающихъ и дорогихъ рабочихъ замѣняли рабы.

Но и въ Руссильонѣ, также какъ и въ Италіи, черная смерть явилась лишь ускоряющею причиною въ развитіи института рабства. Уже и до того положеніе дѣлъ въ разсматриваемой области было не изъ особенно выгодныхъ для крупныхъ землевладѣльцевъ. Здѣсь, какъ то показываетъ и самъ Brutails, крѣпостнаго населенія въ смыслѣ французскихъ serfs не было. Населеніе сельское было въ значительной степени свободно: къ XIV в. большая часть была, путемъ хартій и актовъ объ affranchissements, избавлена отъ malos usos, прежде тяготѣвшихъ на немъ. Возникло не мало поселеній, жители которыхъ, по хартіи о poblacio, получили значительныя льготы. Для тѣхъ же, кто оставался въ зависимости, представлялось широкое поле для выхода изъ нея. Югъ Франціи былъ не далеко, а тамъ въ это время, въ XIII в., раздавался изъ конца въ конецъ кличъ, призывавшій селиться въ бастидахъ, на правахъ въ высокой степени льготныхъ, правахъ, превращавшихъ вчерашняго зависимаго человѣка въ свободнаго гражданина. Сельское населеніе Руссильона, незначительное вообще въ XIII в., разбросанное по горнымъ долинамъ мел-

кими поселками, рѣдѣло, уходило въ провинціи южной Франціи, и уже тогда не мало земель въ Руссильонѣ оставалось вслѣдствіе этого впустѣ. Замѣчательно, что первые акты о рабахъ совпадаютъ по времени съ наибольшимъ развитіемъ колонизаціи юга Франціи при посредствѣ бастидъ.

То, что благопріятствовало возникновенію рабства въ Италіи, условія, содѣйствовавшія ему тамъ, въ равной мѣрѣ дѣйствовали и здѣсь. Основныя черты міровоззрѣнія были одни и тѣже. То, что проповѣдывалъ во Флоренціи Саккетти или архіепископъ Антоній, проповѣдывалось и здѣсь. Все, что не принадлежало къ католическому міру, къ римской церкви, считалось уже потому самому подлежащимъ рабству. Brutails приводитъ указъ одного изъ арагонскихъ королей отъ 1445 года, гдѣ это міровоззрѣніе проводится съ необыкновенною рѣзкостью. Рабство провозглашается дѣломъ естественнымъ. Сарацины и иные люди подчинены рабству ex natura, гласитъ указъ, и это не было мнѣніемъ однихъ лишь властей, теологовъ или юристовъ, въ родѣ напр., Francisco Exemenes, автора: el Crestia ó regiment de Princeps, провозглашавшаго полную законность и естественность факта даже крайняго угнетенія раба [1]). Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ,—согласно другой господствовавшей тогда теоріи,—она проводилась и частными людьми въ ихъ сдѣлкахъ Рабы, читаемъ мы въ одной такой сдѣлкѣ, это—„homines quas natura ab initio liberos protulit et postea jus gentium, propter eorum culpas, servitutis substitiut jugo“. Сдѣлка совершена простымъ мельникомъ Перпиньяна, врядъ ли читавшимъ трактаты въ родѣ summa theologica св. Антонія Флорентинскаго, слова котораго почти дословно воспроизводитъ онъ, объявляя нотаріусу, почему онъ освобождаетъ своего раба эѳіопа. Вотъ почему мы находимъ въ числѣ рабовладѣльцевъ лицъ всѣхъ сословій и состояній: никто не брезгаетъ рабами, всѣ стремятся къ ихъ пріобрѣтенію.

Изъ нотаріальныхъ актовъ, приведенныхъ Brutails'емъ, видно, что покупали рабовъ и юристы, и дворяне, и священники, и монахи, и монахини, и тампліеры, и купцы, и даже епископы. Епископъ Ельна купилъ въ 1402 году раба сарацина, „крещенаго“, какъ значится въ купчей. А это не единственный случай: до того естествен-

---

[1]) См. Sanpere y Miquel, las costumbres catalanas en tiempo de Iuan I, 122 и сл.

нымъ и необходимымъ представлялся уму тогдашняго человѣчества фактъ рабства.

Обратимся теперь непосредственно къ даннымъ, извлеченнымъ Brutails'емъ изъ нотаріальныхъ сдѣлокъ.

I.

Трудно рѣшить вопросъ о томъ, когда и какимъ образомъ рабство возникло въ Руссильонѣ. Ни кутюмы Перпиньяна, изданные Анри, ни акты и сдѣлки не только ранніе, но даже начала XIII в., ни слова не упоминаютъ о рабахъ, и можно думать, что рабство вовсе не существовало тогда въ Руссильонѣ И это въ то время, когда въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, въ Арагонѣ и Каталоніи, уже въ XI в. оно было обыденнымъ явленіемъ, также какъ, повидимому, и въ Провансѣ [1]).

Въ первый разъ упоминается о существованіи въ Руссильонѣ рабовъ лишь въ 1259 г. въ завѣщаніи епископа города Елнъ. Онъ говоритъ въ немъ о восьми рабахъ, принадлежавшихъ ему, и шестерыхъ изъ нихъ называетъ язычниками. Затѣмъ, начиная съ 1278 года все чаще и чаще попадаются въ нотаріальныхъ книгахъ записи сдѣлокъ по покупкѣ и продажѣ рабовъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ рабы эти—сарацины по происхожденію, и, по всѣмъ видимостямъ, ихъ привозили сюда изъ Каталоніи и Барселонны. Жители Руссильона сами не участвовали еще въ торговлѣ рабами. Руссильонъ стоялъ тогда на сравнительно низкой ступени экономическаго развитія. Его торговая и промышленная дѣятельность были совершенно почти ничтожны. Оттого то мы встрѣчаемъ не рѣдко упоминаніе о купцахъ Барселонны или Марсели, даже Агда и Монпелье, которые либо привозили рабовъ въ Перпиньянъ и продавали ихъ здѣсь, либо являлись посредниками при покупкахъ и продажахъ рабовъ жителями Руссильона.

Но съ половины XIV в. положеніе дѣлъ значительно измѣняется. Перпиньянъ превращается въ крупный центръ промышленной и торговой дѣятельности. Въ немъ сосредоточивается мало по малу суконное про-

---

[1]) О рабахъ говорится и въ fuero Iaca 1064 г. (см. Munoz y Romero, colleccion de fueros, I, 238, и usatges Барселонны 1068 и др. fueros'ы Каталоніи. См. Papon, h. de Provence, II, 259 и сл.

изводство, дающее занятіе значительному числу рукъ. Уже въ началѣ XIV в. въ Перпиньянѣ насчитывалось до 349 мастеровъ суконщиковъ, дѣятельность которыхъ была разсчитана не на мѣстное только потребленіе. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ это время Перпиньянъ начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ торговлѣ съ Левантомъ, и среди его купцовъ появляются уже спеціалисты по части рабовъ. Такими спеціалистами были, напр., нѣкто Serra, затѣмъ Barbaroja и др., не разъ ѣздившій въ Левантъ за рабами и продававшій ихъ въ Перпиньянѣ и Руссильонѣ. Они, впрочемъ, не были вполнѣ самостоятельными дѣятелями, а являлись коммиссіонерами то арматоровъ Марсели, то купцовъ Монпелье, Агда и др. городовъ.

Ихъ торговля человѣческимъ мясомъ сдѣлалась тогда, къ концу XIV в., весьма выгодною и прибыльною. Спросъ на рабовъ, въ силу тѣхъ экономическихъ причинъ, на которыя я указалъ выше, усилился въ значительной степени, и сдѣлки по покупкѣ рабовъ совершались теперь все чаще и чаще. Нерѣдко бывало и такъ, что перпиньянскіе купцы отдавали работорговцамъ, въ родѣ Barbaroja, цѣлые тюки сукна для продажи на востокѣ, но съ обязательствомъ обмѣна сукна на рабовъ и рабынь. Работорговецъ долженъ былъ доставить ихъ въ извѣстный портъ, и уже купцы сами выручали деньги, продавая полученный живой товаръ. Насколько значительны и часты были сдѣлки по покупкѣ рабовъ, видно уже изъ того, что и въ Руссильонѣ, какъ и въ Генуѣ и др., уже съ конца XIII в. была установлена пошлина за ввозъ рабовъ: за каждаго раба, привозимаго въ Перпиньянъ, брали 1 су.

И дѣйствительно, если мы обратимся къ нотаріальнымъ сдѣлкамъ, приведеннымъ Brutails'емъ, то увидимъ, какъ сильно развилась торговля рабами со второй половины XIV в., особенно же въ началѣ XV в., когда спросъ на рабовъ достигъ, повидимому, maximum'а своего развитія. Изъ этихъ сдѣлокъ видно, что съ 1350 года торговля рабами получаетъ сильный толчекъ.

До 1350 года рабы были по своему происхожденію почти исключительно сарацины. Послѣ того составъ ихъ рѣзко измѣняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно, что количество сдѣлокъ значительно увеличивается.

За время съ 1350 по 1400 годъ Brutails приводитъ 12 случаевъ продажи рабовъ. Продано было 14 рабовъ и рабынь, и изъ нихъ 9

татаръ и 3 грека. Сношенія съ Левантомъ сказались уже ясно въ этихъ сдѣлкахъ, и замѣчательно, что уже тогда, т. е. въ 1368 и посл. года, нерѣдко татары—рабы отмѣчаются названіями „бѣлыхъ" татаръ въ противоположность татарамъ вообще, „желтымъ". Имена этихъ татаръ—рабовъ не лишены интереса и значенія. Это—Лукія, Марѳа, и т. п., т. е. имена, указывающія вмѣстѣ съ отмѣткою „бѣлая" татарка на дѣйствительное происхожденіе этихъ рабынь. Съ начала XV в. составъ этнографическій рабовъ измѣняется еще рѣзче и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и количество сдѣлокъ по покупкѣ рабовъ. На первомъ планѣ фигурируютъ уже русскіе рабы и рабыни, спросъ на которыхъ оказывается и здѣсь, какъ и въ Италіи, наиболѣе сильнымъ.

За періодъ времени съ 1401 по 1490 г. Brutails упоминаетъ въ своей статьѣ имена 88 рабовъ. По годамъ они распредѣляются слѣд. образомъ: съ 1401 по 1410 мы имѣемъ 19 случаевъ разного рода сдѣлокъ о рабахъ, съ 1411 по 1420—18, съ 1421 по 1430—10, съ 1431 по 1440—6, съ 1441 по 1450—12, съ 1451 по 1460—7, съ 1461 по 70—9, съ 1471 по 1480—1, съ 1481 по 1490—3, между тѣмъ какъ за время съ 1368 по 1400 всего 14. Максимальное число сдѣлокъ падаетъ такимъ образомъ на первыя два десятилѣтія XV в., что указываетъ на усиленіе спроса на рабовъ, на усиленіе потребности въ даровомъ трудѣ.

По этнографическому составу рабы эти распадались на слѣд. группы: рабовъ, пріобрѣтенныхъ на берегахъ Чернаго моря, насчитывается 30. Изъ нихъ русскихъ 13, бѣлыхъ татаръ—6, черкесовъ—7, болгаръ—2. Затѣмъ идетъ группа рабовъ, родомъ изъ тогдашней Турціи. Она состоитъ изъ 9 человѣкъ. Изъ нихъ жителей Босніи 3 (одинъ названъ язычникомъ—патареномъ), изъ Рагузы—2, грековъ—1, турецкихъ рабовъ—3. Остальная часть, за исключеніемъ 22, о національности которыхъ нѣтъ свѣдѣній, распадается на группу эѳіоповъ—5, негровъ—8 и сарацинъ—9. Ясно, что русскіе рабы и рабыни составляли въ XV в. наиболѣе многочисленную группу среди рабовъ Руссильона. Ихъ насчитывалось болѣе 22%, такъ какъ названіе „бѣлые татаре" вмѣстѣ съ именами рабовъ: Пасхалій, Марѳа, Лукія, Марія, Катерина и т. п. ясно указываетъ, что то были также русскіе рабы.

Что спросъ на русскихъ рабовъ былъ въ Руссильонѣ наиболѣе сильнымъ, вполнѣ ясно доказывается цѣнами на нихъ. Цѣны эти были для русскихъ рабовъ наиболѣе высокими.

Какъ постепенно спросъ на рабовъ усиливался въ Руссильонѣ, это видно изъ исторіи цѣнъ на рабовъ. Въ XIII в. (1278 и посл.) цѣны на рабовъ колебались между 11 и 18 ливрами. Въ 1350 году средняя цѣна раба поднялась уже до 25 ливровъ и затѣмъ съ каждымъ годомъ увеличивалась все болѣе и болѣе Двадцать лѣтъ спустя она достигла до 45 ливровъ, а въ 1410 до 50 и болѣе ливровъ. Разсматривая цѣны на рабовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы находимъ, что различія въ цѣнѣ раба зависѣли отъ его національности. Минимальныя и максимальныя цѣны, въ случаяхъ, приведенныхъ Brutails'емъ, обнаруживаютъ это съ полною очевидностью. Они показываютъ въ то же время, что русскіе рабы и рабыни стоили на рынкѣ дороже всего. Цѣны за нихъ колебались между 50 и 100 ливрами, тогда какъ за эѳіоповъ максимумъ доходилъ всего до 60 ливровъ, а минимумъ до 50 ливровъ. Цѣны за черкесовъ и черкешенокъ колебались между 27 и 60 ливрами, за сарацынъ—между 45 и 50, за негровъ—между 40 и 49. Ниже всего стояли босняки, минимальная цѣна за которыхъ равнялась 34 ливрамъ, максимальная не шла выше 45 ливровъ въ XV столѣтіи. Полъ не вліялъ, повидимому, на цѣны, такъ какъ, напр., русскіе рабы продавались нерѣдко по такой же высокой цѣнѣ, какъ и русскія рабыни.

Эти различія въ цѣнахъ на рабовъ опредѣлялись не только однимъ спросомъ на нихъ въ Руссильонѣ. Немалое вліяніе оказывали въ этомъ отношеніи и качества рабовъ, въ особенности рабынь, и тѣ цѣли, для какихъ пріобрѣтали ихъ.

Главнымъ образомъ рабовъ покупали въ Руссильонѣ для удовлетворенія земледѣльческихъ нуждъ. Недостатокъ въ рабочихъ и высокая заработная плата, требуемая ими, заставили руссильонцевъ (какъ мы знаемъ) искать въ рабахъ удобнаго орудія для выполненія сельскихъ работъ. Тѣ жалобы, съ которыми жители Руссильона постоянно обращались къ правительству, доказываютъ это лучше всего. Рѣдкіе кортесы проходили безъ того, чтобы со стороны депутатовъ Руссильона не были заявляемы требованія о принятіи мѣръ противъ бѣгства рабовъ, бѣгства, облегчаемаго близостью французской гра-

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

ницы. И на эти требованія всегда получался вполнѣ удовлетворительный для руссильонцевъ отвѣтъ. Издавались специальные королевскіе указы, предоставлявшие жителямъ Руссильона право принимать всевозможныя мѣры для того, чтобы удерживать на мѣстѣ рабовъ, для того, чтобы „цѣна раба была обезпечена собственнику его". Болѣе того. Было предписано, чтобы мѣстное управленіе принимало рабовъ на страхъ отъ ихъ собственниковъ, и чтобы, въ случаѣ бѣгства, рабовладѣлецъ получалъ изъ страховой кассы полную цѣну этого бѣглаго раба. Правительство брало на себя заботы объ отысканіи бѣглаго и водвореніи его на мѣсто жительства. Съ этою цѣлью оно не только усиливало надзоръ на границѣ, гдѣ взималась провозная пошлина съ рабовъ, но и создало цѣлый штатъ полицейскихъ, разставленныхъ по всѣмъ дорогамъ. Этимъ послѣднимъ дано было право требовать вооруженной силы для поимки бѣглыхъ рабовъ, и, какъ средство облегченія ихъ дѣятельности, были назначаемы награды всякому, кто откроетъ бѣглаго раба или укажетъ на его мѣстопребываніе [1]). Каждое частное лицо имѣло право арестовать бѣглаго раба, который тотчасъ же препровождался къ правительственному чиновнику, прокуратору. Этотъ послѣдній заключалъ раба въ тюрьму и немедленно же принималъ мѣры къ розысканію собственника. Если таковой отыскивался, ему возвращали раба, послѣ того, какъ онъ вносилъ въ казну слѣдуемыя за него деньги и покрывалъ расходы по содержанію его въ тюрьмѣ. Въ случаѣ же не отысканія собственника, рабъ считался выморочнымъ имуществомъ, поступалъ въ собственность казны и, въ большей части случаевъ, продавался съ публичнаго торга. Изъ вырученной отъ продажи суммы выплачивалась, обыкновенно, награда доносчику, который имѣлъ право требовать такой продажи. Заботы правительства шли еще далѣе. Если рабъ успѣвалъ бѣжать за границу, правительство обращалось къ сосѣдней странѣ съ требованіемъ о выдачѣ его. При Карлѣ V, въ 1553 году, въ видахъ прекращенія бѣгства рабовъ и для облегченія положенія землевладѣльцевъ, обезпеченія ихъ даровыми работами, былъ изданъ строжайшій указъ, воспрещавшій покупку рабовъ въ

---

[1]) Такъ, въ 1449 году, 26 марта, повсюду въ Руссильонѣ публиковали повелѣніе, о томъ, что будетъ дано 3 флорина тому, кто укажетъ мѣстонахожденіе русской рабыни 25—30 лѣтъ, одѣтой въ бѣлое платье.

Руссильонѣ и вывозъ ихъ во Францію и грозившій вѣчной каторгой нарушителю закона [1]).

Въ связи съ этимъ находились и тѣ правила, которыя касались одежды и внѣшняго вида рабовъ, а также и мѣръ предупрежденія ихъ бѣгства. Еще въ 1291 году, какъ то доказалъ Henry въ своей исторіи Руссильона, въ Каталоніи рабовъ стали стричь въ кружокъ, и было постановлено, что всякій рабъ, у котораго волосы на головѣ не были обстрижены по указанному способу, подвергался наказанію: ему отсчитывали десять ударовъ кнутомъ. Этого мало. Имъ вмѣнено было въ обязанность носить одежду, рѣзко отличавшую ихъ отъ всего остального населенія, и для того, чтобы они не могли сбѣжать, ихъ заковывали въ цѣпи. Что это было общимъ правиломъ, видно изъ одного судебнаго дѣла по поводу двухъ бѣглыхъ рабовъ, которые, боясь быть узнанными, купили одежду, присвоенную свободнымъ людямъ, и разбили цѣпи, сковывавшія ихъ. Usatges Барселонны подтверждаютъ это. Статья о сарацинахъ гласитъ, что лицу, поймавшему бѣглаго раба сарацина, выдаются въ награду цѣпи, которыми сковывали его.

Правда, всѣ эти и подобныя имъ мѣры пресѣченія бѣгства рабовъ, не всегда достигали цѣли. Несмотря на суровыя кары закона, рабы не переставали уходить во Францію, и тѣмъ заставляли землевладѣльцевъ измышлять новыя средства для удержанія рабовъ на своихъ земляхъ. Рабовладѣльцы обязывались, напр., дать полную свободу своему бѣглому рабу, если въ теченіе 8 дней онъ вернется назадъ и въ теченіе двѣнадцати только лѣтъ прослужитъ вѣрою и правдою своему бывшему господину или заплатитъ выговоренную сумму. Но уже одно существованіе этихъ мѣръ указываетъ на то громадное значеніе, которое имѣли рабы въ Руссильонѣ въ XIV и XV вв., и объясняетъ фактъ быстраго повышенія среднихъ цѣнъ на рабовъ съ половины XIV вѣка.

Пріобрѣтеніе рабовъ для занятія ремеслами, по всѣмъ видимостямъ, играло далеко не видную роль. Мы встрѣчаемъ, правда, указанія на то, что рабы занимались ремеслами. Въ Перпиньянѣ они яв-

[1]) ... Qualsevol estranger o altre qualsevol personas qui attemptaron de traure los catius del... comptats de Rosello y Cerdanya per portar aquels en França, incorrengan en pena de ser condempnats en galere tota sa vida". Usatges de Catalunya, III, 326.

лялись въ качествѣ то чистильщиковъ шерсти, то рабочихъ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, то красильщиковъ, то сыромятниковъ, то рабочихъ на корабельныхъ верфяхъ и т. д. Но врядъ ли количество ихъ здѣсь было значительно. Тѣ самыя опасенія, которыя заставляли венеціанское правительство издавать законы, воспрещавшіе принимать рабовъ на фабрики, опасенія, что, убѣжавши въ чужую страну, они выдадутъ сосѣдямъ секреты производства, существовали, повидимому, и въ Перпиньянѣ. По крайней мѣрѣ, на это указываютъ постановленія муниципальнаго совѣта. Такъ, въ силу городского регламента 1438 года воспрещено было суконщикамъ принимать рабовъ въ мастерскія, подъ угрозою наказанія. Спросъ на рабовъ былъ въ этой сферѣ дѣятельности крайне ограниченъ, и покупка ихъ не могла вліять существеннымъ образомъ на цѣны.

Гораздо большее вліяніе на цѣны оказывала покупка рабовъ въ качествѣ домашней прислуги, для надобностей дома и его хозяина, надобностей, понимаемыхъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Здѣсь спросъ на рабовъ и главнымъ образомъ на рабынь былъ особенно сильнымъ, и здѣсь-то *качества* рабыни играли первенствующую роль. Русскія рабыни и въ Руссильонѣ, какъ и во Флоренціи, покупались охотнѣе всего, ихъ искали особенно усердно на рынкѣ, и оттого-то и цѣны на нихъ достигали максимума. Тѣ же причины, которыя создавали рабство во Флоренціи и подымали тамъ цѣну на русскихъ рабынь, дѣйствовали и здѣсь почти въ такой же степени. Покупали, обыкновенно, русскихъ рабынь въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ; чаще всего такихъ, которыя не перешли возраста въ 23—5 лѣтъ. Рѣдко случалось, чтобы покупщикъ пріобрѣталъ рабыню въ видахъ брака. Brutails приводитъ всего одинъ такой случай, но и онъ представляетъ собою нѣчто весьма оригинальное. Нѣкто Корріонъ изъ Перпиньяна продаетъ Беллоку срокомъ на 3 года, 5 мѣсяцевъ и 26 дней рабыню, „которую вы обѣщали", сказано въ нотаріальной сдѣлкѣ, „взять себѣ въ жены". Какъ видно изъ акта, Беллокъ обязуется торжественно и публично вступить въ бракъ съ сказанною рабынею Катериной. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣло не было обставляемо условіями подобнаго рода. Рабыню русскую, всегда молодую, покупали безусловно, и затѣмъ, по истеченіи извѣстнаго времени, ея ребенокъ или дѣти продавались или отсылались въ пріютъ, а она сама уступалась во временное пользованіе другому лицу, въ качествѣ,

большею частью, кормилицы. Въ нотаріальныхъ актахъ XV вѣка все чаще и чаще, по мѣрѣ прилива русскихъ рабынь, попадаются выраженія: „habentem lach“, „cum lacte“ и т. п., т. е. что данная рабыня можетъ служить кормилицей. Это было дѣломъ крайне выгоднымъ для рабовладѣльца. Покупая за весьма высокую плату русскую рабыню, рабовладѣлецъ легко выручалъ свои затраты путемъ найма ея на время. Особенно улучшились въ этомъ отношеніи его шансы, когда въ Перпиньянѣ вошло съ половины XV в. во всеобщую моду держать русскихъ кормилицъ. При цѣнѣ рабыни даже въ 100 ливровъ, наемная плата за нее, какъ за кормилицу, составляла болѣе 25%. Такъ, въ 1453 году мы находимъ нотаріальную сдѣлку, по которой за рабыню, отданную кормилицей всего на полтора года, было заплачено 27 ливровъ, и наниматель обязывался, какъ это всегда бывало въ такихъ случаяхъ, возвратить ее цѣлой и невредимой собственнику и принималъ на себя полную отвѣтственность предъ нимъ въ этомъ отношеніи.

Что именно съ извѣстными цѣлями пріобрѣтались русскія рабыни, славившіяся и въ Руссильонѣ, какъ и во Флоренціи, своей красотой, видно изъ слѣдующаго факта. Въ 1456 году пріютъ св. Іоанна былъ переполненъ дѣтьми рабынь, и городскому совѣту Перпиньяна пришлось содержать на свой счетъ до 50 кормилицъ для этихъ дѣтей. Уже и въ прежніе годы муниципальныя власти не разъ возбуждали вопросъ о мѣрахъ пресѣченія развивающагося разврата въ городѣ. Теперь они рѣшаются принять болѣе энергическія мѣры. Всѣ ренты пріюта истрачивались на незаконныхъ дѣтей отъ рабынь. Совѣтъ постановляетъ, что впредь этого быть не должно, и что всякій разъ, когда къ пріюту будетъ подброшенъ ребенокъ, власти обязаны немедленно заняться изысканіемъ родителей этого ребенка, и уже городъ самъ возложитъ на нихъ издержки по его содержанію въ пріютѣ.

Не менѣе характеренъ и случай, сообщаемый Alart'омъ въ его Notices. Въ реэстрахъ перпиньянскаго университета записано подъ 1464 г. слѣдующее обязательство, данное однимъ изъ учениковъ ректору. Ученикъ Казанова клятвенно обязуется, что онъ „no entrara en la casa de madona muller d'En Squin pertiner, nis curara de la

sclava de Moss. Castello“, подъ угрозою штрафа въ 50 ливровъ [1]). Обычай, господствовавшій въ Перпиньянѣ, держать у себя въ качествѣ прислуги рабынь и особенно русскихъ рабынь объясняетъ смыслъ и значеніе подобнаго рода обязательствъ.

Отсюда становятся понятными и нѣкоторые изъ тѣхъ пунктовъ которые вносились въ нотаріальныя сдѣлки при покупкѣ рабовъ и рабынь: они ограждали покупателя отъ непріятныхъ послѣдствій и разочарованій. Въ Руссильонѣ слѣдовали въ этомъ отношеніи правиламъ, выработаннымъ на этотъ счетъ въ Барселоннѣ и Каталоніи. При заключеніи сдѣлки продавецъ давалъ обыкновенныя гарантіи, такія же, какія существовали въ Италіи: онъ обязывался защищать покупщика въ судѣ, отвѣчать денежно въ случаѣ продажи раба больного чѣмъ-либо, больного какою-либо болѣзнью, которую онъ, продавецъ, скрылъ при продажѣ и т. п. Но этимъ здѣсь дѣло не ограничивалось. Въ каждую сдѣлку вносилось и обязательство относительно четырехъ случаевъ, присутствіе одного изъ которыхъ въ проданномъ субъектѣ дѣлало сдѣлку недѣйствительною. Это—oradura (сумашествіе), mal de caure (падучая болѣзнь), pixar al llit и carentia de menstrues. Въ сдѣлкѣ, заключенной купцами Майорки съ нѣкіимъ Brugat изъ Перпиньяна, сдѣлкѣ, касавшейся русской рабыни Антуанеты, 22 лѣтъ, мы читаемъ, что продавецъ гарантируетъ покупщиковъ отъ четырехъ случаевъ или пороковъ, „dels quatre vicis qui, en semblants vendes posar se acostumen, ço es de mal de caure, oradura, pixar al llit e carentia de menstrues“. Покупщики перепродали ее канонику Майорки, Сакаса, который возбудилъ противъ нихъ цѣлое судебное дѣло, такъ какъ оказалось, что проданная не удовлетворяетъ гарантіи по четвертому пункту и потому вѣчно больна („per la qual raho es mal sana e indesposte“).

Я не говорю уже о тѣхъ мѣрахъ, которыя принимались законодателемъ для огражденія рабовладѣльца въ его собственности, рабынѣ: они общи всѣмъ странамъ, гдѣ существовали рабы. Регламентъ Перпиньяна 1377 года наказывалъ виновнаго въ покушеніи на рабыню тѣмъ, что предписывалъ водить его нагишомъ по всѣмъ ули-

---

[1]) Alart, notices, I, 80.

цамъ города. За насиліе наказаніе было еще строже. Обычай грозилъ виновному „повѣшеніемъ за всякій разъ и безъ снисхожденія“.

Уже одинъ фактъ непризнанія сдѣлки въ случаѣ указанныхъ выше четырехъ пунктовъ служитъ превосходной иллюстраціей того жалкаго положенія, въ какомъ находились рабы вообще и въ частности русскія рабыни въ Руссильонѣ. Четыре vicis, упоминаемыя въ актахъ, въ особенности же три изъ нихъ, какъ извѣстно, являются неизбѣжными спутниками крайней нищеты и дурной житейской обстановки. Не даромъ жители Руссильона и Каталоніи такъ тщательно заботились всегда о вписаніи этихъ пунктовъ въ акты: очевидно, болѣзни эти были нерѣдки. Если мы прибавимъ къ этому, что, какъ то видно изъ сдѣлокъ, рѣдко продавались рабы старѣе 30—35 лѣтъ, что одинъ разъ только совершена была сдѣлка по поводу 45 лѣтняго раба, то картина матеріальнаго и нравственнаго положенія раба обрисуется предъ нами вполнѣ. Ясно, что рабъ цѣнился только пока былъ молодъ или силенъ, ясно и то, что рѣдкіе изъ рабовъ выживали при той тяжелой обстановкѣ, которую имъ создавалъ рабовладѣлецъ, не щадившій палокъ и кнута для своего раба. Въ 35 лѣтъ рабъ превращался нерѣдко въ старика; сѣдыя бороды у рабовъ этого возраста были обыкновеннымъ явленіемъ, какъ то свидѣтельствуютъ акты. Больной рабъ былъ обузой: его продавали за ничтожную плату. Въ 1404 году, напр., одинъ рабъ изъ Босніи былъ проданъ за 6 ливровъ. И это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы ознакомимся съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ законъ и обычай ставятъ въ Руссильонѣ раба.

II.

Первый вопросъ, съ разсмотрѣнія котораго мы начнемъ анализъ юридическаго положенія рабовъ, это—вопросъ объ источникахъ, порождавшихъ рабство, рабское состояніе.

Кутюмы Тортозы признаютъ два главныхъ источника рабства: фактъ рожденія съ одной стороны, и фактъ войны съ другой. Разсмотримъ каждый отдѣльно.

Основнымъ принципомъ какъ этихъ кутюмовъ, такъ и вообще обычнаго права тѣхъ мѣстностей, гдѣ существовало рабство, былъ принципъ материнства: дѣти рабыни постоянно слѣдуютъ состоянію

матери, все равно былъ ли при этомъ отецъ человѣкъ свободный или рабъ. Въ Руссильонѣ, насколько можно судить по содержанію нотаріальныхъ актовъ,—господство этого принципа было всеобщимъ. При продажѣ рабыни въ актѣ всегда обозначалось, какъ продается она: одна или съ потомствомъ, или, какъ выражались акты, „pregnans, cum pregnatu quem in utero suo gerit, sive sit masculus sive femina, et sive unus, vel plures". Отсюда, при господствѣ воззрѣній на раба, какъ на полную собственность, возникало и право продажи отдѣльно матери, отдѣльно дѣтей, и право предъявлять требованіе о возвращеніи потомства рабыни, если рабыня была продана безъ означенія въ запродажномъ актѣ, что она уступлена съ потомствомъ. Продажа дѣтей въ возрастѣ 8, 9, 10 лѣтъ была нерѣдка. Въ 1467 г напр., проданъ „желтый" татарченокъ за 18 ливровъ, въ 1492 г.— десятилѣтній рабъ за 24 ливра и т. д. Brutails приводитъ весьма любопытное и характерное въ этомъ отношеніи письмо одного руссильонца XV в. къ нотаріусу. Это—запросъ о цѣнахъ на рынкѣ на рабовъ. Руссильонцу необходимо знать ихъ, такъ какъ онъ располагаетъ четырехлѣтнимъ ребенкомъ, котораго онъ желалъ бы продать. Ему даютъ за него 35 ливровъ, но онъ надѣется получить больше.

То было въ случаяхъ простой связи съ рабой. Плодъ ея всегда разсматривался какъ рабъ и, какъ таковой, считался полною собственностью.

Но, повидимому, и вступленіе въ законный бракъ съ рабой не служило ограниченіемъ принципа материнства. Кутюмы Тортозы хранятъ на этотъ счетъ полное молчаніе, а изъ нѣкоторыхъ сдѣлокъ, приведенныхъ у Brutails'я, видно, что для устраненія силы дѣйствія принципа требовалось освобожденіе не только матери, но и ея потомства. Подъ 2 октября 1419 года записанъ, напр., въ нотаріальной книгѣ слѣдующій актъ: такой-то перпиньянскій купецъ освобождаетъ рабу, вышедшую назадъ тому три года замужъ за свободнаго человѣка, освобождаетъ ее и все ея потомство.

Если, тѣмъ не менѣе, существовали нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила, то они лишь еще болѣе подкрѣпляли его. То были исключенія, вытекавшія изъ принциповъ совершенно посторонняго характера: они обусловливались религіозною враждою и нетерпимостью. Такъ, согласно кутюму Тортозы, дѣти рабынь не слѣдовали

состоянію матери въ двухъ случаяхъ: если они были результатомъ связи либо 1) христіанина съ рабыней, принадлежавшей еврею, либо 2) христіанина съ его же собственной рабыней сарацинкой, и тотчасъ послѣ рожденія получили крещеніе. Обрядъ крещенія былъ необходимъ въ обоихъ случаяхъ. Актъ крещенія являлся здѣсь и актомъ освобожденія, хотя онъ не распространялся на мать, которая продолжала оставаться рабыней. Но нельзя согласиться съ Оливеромъ, который объясняетъ эти постановленія „благороднымъ желаніемъ увеличить число христіанъ“ [1]). Если бы это было такъ, то постановленіе это имѣло бы мѣсто во всѣхъ случаяхъ. Между тѣмъ въ томъ же кутюмѣ мы читаемъ, что ребенокъ, явившійся плодомъ связи сарацинки рабыни съ лицомъ постороннимъ, не ея собственникомъ, не освобождался даже и послѣ крещенія [2]). Даже болѣе того. По другому постановленію, сарацинка раба, беременная отъ христіанина, могла быть продана до разрѣшенія отъ бремени, только исключительно христіанину. Послѣ разрѣшенія ее можно было продать и сарацину, и еврею, но ребенокъ ея обязательно продавался только христіанину [3]).

Подъ вліяніемъ какихъ соображеній составлены были исключенія изъ общаго принципа, видно изъ того, что въ Каталоніи, также какъ и въ Руссильонѣ, ни еврей, ни сарацинъ или мавръ, не могли держать у себя и покупать рабовъ христіанъ. Достаточно было рабу креститься, и онъ становился немедленно вполнѣ свободнымъ. Отъ него требовалась лишь уплата собственнику ничтожной суммы.

Переходимъ къ другому источнику рабства, къ войнѣ.

Война, сопровождавшаяся захватомъ плѣнныхъ, создавала два различныхъ класса рабовъ: собственно рабовъ, sclavi, servi, sclau, и рабовъ военноплѣнныхъ, captivi, catius, различавшихся, согласно каталонскому праву, объемомъ правъ. Catiu не могъ ни въ какомъ случаѣ быть свидѣтелемъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, тогда

---

1) Oliver, II, 81.

2) Costums de Tortosa, l. VI, rubr. de servus qui fugen, XIV.

3) Ib., XVIII. „Sarraina prenyada de crestia, enans que aja parit, no deu esser venuda ne alienada a juheu ni a sarrai, mas tantost com l'infant sia nat, deu esser batejat et roman l'infant en poder de son senyor, et es seruu, et poden vendre e alienar la sarraina a qui's volen, mas no l'infant si no a crestia“.

какъ рабъ, servus, получалъ иногда это право; затѣмъ право собственника подвергать тяжкому наказанію плѣннаго было гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ по отношенію къ рабу. По отношенію къ военноплѣннымъ не католикамъ, разсматривавшимся какъ враги вѣры, захватъ въ плѣнъ влекъ за собою полное рабство, catiu становился sclau. Законы Испаніи, siete partidas, толкованія каталонскихъ юристовъ, въ родѣ Сокарратса, указываютъ на это вполнѣ ясно. Публичное средневѣковое право предоставляло корсарамъ полное и неограниченное право вести войны и производить набѣги на страны невѣрныхъ и распоряжаться по своему усмотрѣнію плѣнными. Кутюмы Тортозы, напр., дозволяютъ корсарамъ ввозить въ городъ плѣнныхъ и распродавать ихъ въ рабство либо съ публичнаго торга, либо путемъ простыхъ частныхъ сдѣлокъ. И это ихъ право считалось настолько неприкосновеннымъ, что законъ бралъ ихъ подъ свою защиту, гарантируя имъ полученіе цѣны за проданнаго раба. Покупщикъ обязанъ былъ въ теченіе десяти дней, не позже, взнести полную стоимость раба. Если это не было сдѣлано, продавецъ имѣлъ право собственною властью забрать проданнаго раба и продать его вновь. Онъ не обязанъ былъ даже обращаться въ такихъ случаяхъ къ суду. Помощь со стороны судебной власти требовалась лишь въ случаяхъ частной сдѣлки. По закону судъ обязанъ былъ немедленно оказывать продавцу требуемую имъ помощь, и не только въ будничные, но и въ праздничные дни призывать гражданъ и съ ними входить въ домъ покупщика для возвращенія силою раба его собственнику [1]).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о сарацинахъ, невѣрныхъ. Но и католики не всегда были ограждены отъ возможности попасть въ рабство. Каталонскій юристъ XV в., Сокарратсъ, утверждаетъ, напр., что тѣ лица, которыя будутъ взяты въ плѣнъ въ время войны, объявленной папой или императоромъ, подлежатъ рабству. Но это рабство—рабство иного рода и характера: оно лишь временное, хотя и болѣе, какъ мы видѣли, тяжкое. Указъ 1390 г., изданный Іоанномъ, королемъ арагонскимъ и, отысканный Brutails'емъ въ архивѣ Перпиньяна, освящаетъ фактъ такого рабства. Этимъ указомъ,

---

[1]) Costums de Tortosa, l. IX, rubr. VII, de naufragstiis, IV.

адресованнымъ къ правителямъ Руссильона и Сердани, король предоставляетъ каждому изъ жителей этихъ областей полное и неограниченное право захватывать въ плѣнъ и продавать своимъ же согражданамъ въ рабство тѣхъ, кто явится въ провинцію для цѣлей грабежа, т. е. вооруженныхъ людей чужой націи, членовъ знаменитыхъ въ XIV и XV вв. compagnies d'armes [1]). Но это право продажи плѣнныхъ въ рабство ограничено было лишь тѣмъ промежуткомъ времени, пока тянулась война. Съ окончаніемъ ея захваченные въ плѣнъ и проданные въ рабство получали полную свободу, если только вносили за себя выкупъ. Отсюда становится понятнымъ одно изъ постановленій кутюмовъ Тортозы. Если кто либо изъ граждан и жителей Тортозы, гласятъ кутюмы, попадетъ въ случаѣ войны съ маврами или христіанами въ плѣнъ и будетъ проданъ въ рабство, то это не лишаетъ его ни въ какомъ случаѣ гражданскихъ его правъ. Онъ продолжаетъ считаться гражданиномъ Тортозы, и, какъ бы продолжительно ни было время его рабства, по отношенію къ нему не должны быть примѣняемы законы давности, и въ моментъ возвращенія въ городъ, онъ становится лично свободнымъ, полноправнымъ гражданиномъ [2]).

Относительно христіанъ, обращенныхъ въ рабство и проданныхъ гражданамъ Тортозы, мы читаемъ въ кутюмѣ, что они становятся вполнѣ свободными, однажды ими внесенъ выкупъ. Эту свободу рабъ-христіанинъ получаетъ даже въ томъ случаѣ, когда собственникъ открыто заявитъ о своемъ нежеланіи освободить раба и получить выкупъ. Рабъ имѣлъ право вручить выкупъ какому нибудь третьему лицу, отослать его въ „безопасное мѣсто", и тогда de facto и de jure превращался въ лично свободнаго [3]). Но разъ выкупа не было, и онъ, и его дѣти продолжали оставаться въ рабствѣ, хотя ни ни въ какомъ случаѣ не теряли права взнести слѣдуемую сумму.

Но уже въ XV в. война перестала быть для Руссильона тѣмъ главнымъ источникомъ, откуда получались рабы. Ея мѣсто, какъ мы видѣли, заняла купля рабовъ въ Левантѣ и перепродажа ихъ въ Перпиньянѣ и др. мѣстахъ. Рабы, пріобрѣтаемые этимъ путемъ, были

---

[1]) Указъ напечатанъ in extenso Brutails'емъ въ приложеніяхъ, № 3.

[2]) Costums, l. VIII, rubr. daquels qui son reemuts, § III.

[3]) Jb., § 1.

рабами, servi, въ полномъ смыслѣ этого слова, также какъ и плѣнные изъ невѣрныхъ. Ихъ юридическое положеніе опредѣлялось то кутюмами Каталоніи, то дигестами, знакомство съ которыми въ Руссильонѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ рабства.

Рабъ не обладалъ правами гражданскаго лица, и къ нему въ Руссильонѣ примѣняли всецѣло теорію capitis deminutio. Онъ не имѣлъ права ни дѣлать завѣщанія, распоряжаться имуществомъ, ни участвовать въ договорахъ и сдѣлкахъ. Правда, попадаются нотаріальные акты, изъ которыхъ видно, что рабыни призывались давать клятву для опредѣленія отца ребенка. Но во всѣхъ такихъ актахъ рабыня призывается говорить въ судѣ не иначе, какъ съ открытаго согласія на то собственника. Рабъ не могъ являться въ судѣ ни въ качествѣ истца, ни какъ отвѣтчикъ. Законъ заранѣе признавалъ недѣйствительными всѣ рѣшенія, если бы представились случаи подобнаго рода. Даже въ такихъ случаяхъ, какъ нанесеніе рабу побоевъ, ранъ, увѣчій и т. п., насиліе, произведенное кѣмъ-либо посторонним, рабу не было предоставлено права искать въ судѣ. Онъ былъ собственностью, и лишь собственникъ могъ возбудить преслѣдованіе противъ виновнаго въ оскорбленіи раба; онъ же одинъ имѣлъ право опредѣлять и сумму вознагражденія за убытки и получать ее въ свою пользу, также, какъ и виру за убійство раба. Исключенія были, но они касались рабовъ главнымъ образомъ лишь тогда, когда они переставали быть рабами, получали свободу. Такъ, напр., они были вправѣ обращаться къ суду для отысканія и признанія своей свободы, если она была дана имъ и оспаривалась или нарушалась кѣмъ-либо. Только въ такихъ случаяхъ рабъ имѣлъ право начать искъ даже противъ своего владѣльца: искъ не освобожденнаго раба противъ его собственника считался, по принципу, невозможнымъ, ибо между рабомъ и господиномъ не могло возникать дѣлъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ уголовнаго характера законъ дозволялъ вызывать рабовъ въ качествѣ свидѣтелей. То были слѣд. случаи: 1) когда кто либо скрывалъ завѣщаніе, заключавшее въ себѣ отпущеніе раба на волю, 2) когда дѣло шло о фальшивой монетѣ и 3) объ убійствѣ собственника рабовъ.

Понятно, отсюда, что сумма правъ, которыми обладали рабы, была крайне ограничена и всецѣло зависѣла отъ воли рабовладѣльца. Рабъ, какъ видно изъ актовъ, могъ быть собственникомъ дви-

жимаго имущества, и что это такъ, доказывается и тѣмъ, что нерѣдко онъ присуждался къ пенямъ, и тѣмъ, что актъ освобожденія распространялся и на него лично, и на его имущество. Имущество это или являлось подаркомъ со стороны владѣльца, или попадало въ руки раба на основаніи завѣщанія, сдѣланнаго кѣмъ-либо въ его пользу за оказанныя услуги. Пользовался рабъ также и правомъ брака (jus connubi'), но всякій разъ съ согласія и разрѣшенія владѣльца и притомъ если супруги были и оставались его рабами [1]). Я не говорю о правѣ завѣдывать какими либо учрежденіями и предпріятіями частнаго характера: имѣніями, кораблями (въ качествѣ капитана) и т п., такъ какъ то было скорѣе обязанностью, налагаемою на раба владѣльцемъ, чѣмъ его правомъ.

Рабъ былъ, такимъ образомъ, вещью, и потому во всѣхъ преступленіяхъ, учиненныхъ имъ, все равно были ли они совершены противъ лицъ или имущества, отвѣтственность падала не на раба, а на владѣльца. Если рабъ совершилъ преступленіе безъ вѣдома владѣльца или было доказано, что владѣлецъ и не могъ предупредить его, то въ такихъ случаяхъ вознагражденіе за причиненные убытки, падавшее во всякомъ случаѣ на владѣльца, было опредѣленное: онъ обязанъ былъ или отдать потерпѣвшему раба, или уплатить всю стоимость убытковъ. Но если оказывалось, что владѣлецъ раба могъ предупредить учиненное рабомъ преступленіе и не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать тому, то объ отдачѣ только раба потерпѣвшему уже не было и рѣчи. Виновный владѣлецъ обязанъ былъ уплатить цѣликомъ всѣ убытки [2]). До какой степени въ глазахъ закона рабъ былъ лицомъ невмѣняемымъ и неотвѣтственнымъ въ подобныхъ случаяхъ, видно изъ постановленія кутюма: „Если, гласитъ кутюмъ, рабъ или плѣнный былъ проданъ въ другія руки до вчинанія иска и перешелъ во власть другого господина, то послѣдній не обязанъ вознаграждать потерпѣвшаго за убытки, причиненные пріобрѣтеннымъ рабомъ“; съ него, въ крайнемъ случаѣ, взыскивалась лишь стоимость раба, не болѣе [3]).

---

[1]) Costums, l. VI, rubr. de servus qui fugen, § XV, и Brutails, стр. 397—8.

[2]) Ib., l. III, rubr. de damno dato, § IX.

[3]) Ib.

Какъ бы въ вознагражденіе владѣльцу предоставлялись самыя широкія судебныя права надъ его рабами. Всѣ преступленія, какъ то: воровство, поврежденіе имущества и т. п., совершенныя рабомъ въ жилищѣ и собственности владѣльца (enjuries domestiques) наказывались владѣльцемъ и подлежали его суду, на основаніи правила, предоставлявшаго домашній судъ главѣ семьи. Судъ былъ некомпетентнымъ въ подобнаго рода дѣлахъ, не имѣлъ права вмѣшиваться въ нихъ, развѣ только самъ владѣлецъ обращался къ нему за помощью. Оттого, за исключеніемъ права смертной казни и отсѣченія членовъ, которое не было предоставлено рабовладѣльцамъ, послѣдніе могли примѣнять къ провинившимся рабамъ всѣ тѣ наказанія, которыя они находили умѣстными. Ихъ воля была здѣсь закономъ. Они могли наказывать рабовъ ударами кнута, обливать ихъ горячимъ масломъ (cremar ab sagi), бить, заковывать въ цѣпи, заключать въ тюрьму, набивать имъ на руки и ноги колодки и т. п. [1]) Фантазіи владѣльца не было здѣсь положено предѣловъ.

Рѣшеніе дѣлъ, выходившихъ за предѣлы компетенціи домашняго суда, равно и такихъ дѣлъ, гдѣ были замѣшаны рабы, владѣльцы которыхъ были, по какимъ либо причинамъ, неизвѣстны, подлежало вѣдѣнію самыхъ разнообразныхъ судебныхъ учрежденій. Такъ, всѣ споры изъ за рабовъ, возникавшіе при покупкѣ ихъ между продавцами и покупателями, вѣдалъ консульскій судъ, перпиньянскій трибуналъ „consulat de mer“, нѣчто въ родѣ коммерческаго суда. Въ немъ разбирались претензіи покупщиковъ къ продавцамъ, если оказывалось, что данныя послѣднимъ гарантіи не дѣйствительны [2]).

---

[1]) Ib., l. VI, Rubr. de servus qui fugen, § VIII. „Furts o ladronicis et roberies o enjuries domestiques, ço es qu'es fan per.... catius o catiues, o serventes deven esser castigats e represes per lo senyor d'aquels, o per lurs maestres.... e no per nuyles altres persones, Senyor, cort ne altres, si docels los lurs senyors o lur maestres que eyls an no'ls volguessen castigare s'en volguessen clamar a la cort e aqui pendre lur dret.... Lo castigament..... es que deu esser temprat e sens naframent de les persones; *exceptats los catius o catiues, en les quals lurs senyors poden regeament castigar, açotar, o cremar ab sagi et a la vegada ab naframent de les persones*, sens mort e sens mutilament de membre“.

[2]) Объ этихъ гарантіяхъ см. выше. Гарантія, данная нѣкоей дамой Агнесой, весьма любопытна. Она продала 20 декабря *русскую рабу Катерину* съ обязательствомъ взять ее обратно, если въ теченіе времени отъ 20 декабря до половины февраля проданная *напьется пьяной, хотя бы одинъ разъ.*

Если дѣло возникало по жалобѣ раба изъ-за лишенія его свободы, уже дарованной ему,—споръ разбиралъ вигье Руссильона. Впрочемъ, дѣла подобнаго рода были подсудны и королевской аудіенціи, которая имѣла право перенести рѣшеніе всякаго такого дѣла отъ вигье къ своему суду. Какъ вообще велись дѣла о рабахъ, видно яснѣе всего изъ одного процесса, возникшаго въ 1402 году. Сбѣжала рабыня, которой, очевидно, слишкомъ тяжелою показалась жизнь у владѣльца. Ее поймали въ Монтескью, и чиновникъ сеньора этой мѣстности посадилъ ее въ тюрьму. Королевскій фискальный прокуроръ Руссильона потребовалъ отъ вигье, чтобы онъ распорядился объ освобожденіи рабыни изъ сеньоріальной тюрьмы и о приводѣ ея къ нему. Онъ основывался, какъ самъ онъ заявляетъ о томъ, и на естественномъ правѣ, и на правѣ обычномъ, и на томъ соображеніи, что было бы въ высшей степени нераціонально заставлять владѣльцевъ рабовъ отыскивать ихъ по всевозможнымъ сеньоріальнымъ тюрьмамъ. Судилъ раба королевскій судъ. Если въ дѣлѣ заинтересованною оказывалась королевская власть, то на обязанности прокурора лежало разрѣшеніе дѣла. Такъ бывало, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда рабъ оказывался безъ владѣльца и, слѣдовательно, выморочнымъ имуществомъ. Прокурору всегда обязательно сообщали о бѣглыхъ рабахъ и о рабахъ, не имѣющихъ владѣльца; онъ же распоряжался продажею ихъ въ пользу казны. Хотя законы Руссильона не вполнѣ точно разграничивали въ этомъ отношеніи компетенцію вигье и прокурора, но обычай отдавалъ предпочтеніе прокурору. Изъ ряда дѣлъ, приведенныхъ Brutails'емъ, видно, что прокуроры отстаивали особенно энергично свое исключительное право вѣдать рабовъ безъ владѣльца, и это потому, что такіе рабы—собственность короны, защищать интересы которой составляло ихъ преимущественное право. Мы видѣли уже, что энергическія заявленія ихъ обусловливались и стремленіемъ казны защитить права и интересы рабовладѣльцевъ.

Права свои на рабовъ прокуратура заявляла и въ тѣхъ случаяхъ, когда низшая судебная инстанція принуждала раба къ наказанію: палочнымъ ударамъ, отсѣченію руки (за подделку шафрана), смертной казни посредствомъ сожженія и т. п. Такъ, въ 1422 году сарацинъ—рабъ былъ присужденъ за какое то преступленіе къ смертной казни. Его вели уже на костеръ, когда прокуроръ конфисковалъ его во имя правъ короны.

Обратимся, въ заключеніе, къ разсмотрѣнію тѣхъ правъ, которыми обладалъ собственникъ рабовъ.

Права эти въ Руссильонѣ опредѣлялись на основаніи тѣхъ же началъ, какъ и въ Каталоніи. Каталонское право, въ частности usatges Барселонны, примѣнялось въ судахъ Руссильона, и постоянно почти въ актахъ нотаріальныхъ XIV и XV вв. мы встрѣчаемъ выраженія: ad consuetudinem Barchinone , juxta consuetudinem Barchinone и т. д. Понятно, что между правами рабовладѣльцевъ въ Каталоніи и въ Руссильонѣ не могло быть особенно существенной разницы. Мы можемъ, поэтому, изложить сущность этихъ правъ на основаніи кутюмовъ Тортозы, отличающихся полнотою и обстоятельностью тѣхъ статей, которыя касаются рабовъ.

Согласно этимъ кутюмамъ рабовладѣлецъ обладалъ по отношенію къ рабамъ слѣдующими правами: 1) правомъ отчужденія ихъ, 2) правомъ преслѣдованія бѣглыхъ рабовъ, и 3) правомъ присвоивать себѣ все то, что заработали они.

Право отчужденія было почти безграничнымъ. Собственникъ раба могъ располагать имъ въ этомъ отношеніи, какъ ему было угодно: продавать, дарить на всегда или на время, уступать по завѣщанію и т. д. Законъ не ставилъ ему никакихъ преградъ. Онъ прямо вмѣшивался въ акты, совершенные собственникомъ лишь въ одномъ и единственномъ случаѣ, когда дѣло шло объ отдачѣ раба христіанина еврею или мавру. Не ставилъ онъ также, какъ мы видѣли, преградъ волѣ владѣльца и тогда, когда дѣло шло объ отчужденіи отдѣльно матери и отдѣльно ея дѣтей. И здѣсь его права, за нѣкоторыми исключеніями, были неограниченными.

Что касается до отчужденія рабовъ по завѣщанію, то обычай устанавливалъ двоякаго рода правила, главнымъ образомъ въ видахъ предупрежденія возможныхъ споровъ. Онъ регулировалъ не права собственника, а лишь послѣдствія, которыя могла породить воля завѣщателя. Такъ, вопервыхъ, если завѣщатель, владѣя многими рабами, носящими одно и то же имя, уступалъ какому либо постороннему лицу лишь одного изъ этихъ рабовъ, то обычай требовалъ, чтобы право выбора этого раба принадлежало наслѣднику. Только въ случаѣ отказа послѣдняго исполнить волю завѣщателя и возбужденія дѣла въ судѣ, право выбора переносимо было на участника въ за-

вѣщанія [1]). Обычай предвидѣлъ и другой случай, а именно случай завѣщанія, къ которомъ уступался кому либо рабъ безъ обозначенія его имени. При существованіи завѣщанія такого рода выборъ раба предоставлялся лицу, о которомъ упомянуто въ завѣщаніи, но выборъ его былъ ограниченъ. Всѣ рабы завѣщателя раздѣлялись на три группы: наиболѣе дорогихъ по цѣнѣ рабовъ, рабовъ средней стоимости и, наконецъ, наименьшей цѣны, и участнику завѣщанія предоставлялось выбрать одного изъ рабовъ средней группы [2]).

Но особенно любопытны и характерны постановленія кутюмовъ относительно правъ собственника отыскивать бѣглаго раба. Въ этомъ отношеніи заботливость обычая объ охранѣ интересовъ и правъ рабовладѣльца доходила до крайняго предѣла, до нарушенія основнаго закона о правахъ каждаго гражданина въ районѣ его дома, домашняго очага. Мало того, что собственнику предоставлялось право прибѣгать для отысканія бѣглаго ко всѣмъ тѣмъ средствамъ, какія только онъ находилъ удобными,—онъ имѣлъ право нарушать неприкосновенность чужого дома, все равно кому бы не принадлежалъ этотъ домъ, христіанину или невѣрному, незнатному или высокопоставленному лицу. Кутюмъ требовалъ только, чтобы собственникъ обращался въ такомъ случаѣ къ вигье за помощью, въ сопровожденіи котораго онъ получалъ право настаивать, на томъ, чтобы двери дома были раскрыты предъ нимъ. Если домъ принадлежалъ христіанину или еврею, то отъ воли вигье зависѣло пригласить или не пригласить нѣсколькихъ гражданъ въ качествѣ понятыхъ. Весь домъ подвергался тщательному осмотру, и если раба отыскивали, его немедленно вручали собственнику. Обыскъ дома, принадлежавшаго сарацину или мавру, былъ обставленъ бо́льшими формальностями. Вигье обязанъ былъ брать съ собою двухъ христіанъ и двухъ мавровъ, послѣднихъ по указанію мавританскаго алькальда [3]).

Съ цѣлью еще большаго обезпеченія интересовъ и правъ рабовладѣльцевъ, кутюмъ установлялъ, далѣе, правило, что похищеніе раба, по какой бы причинѣ оно не произошло, не влечетъ и не долж-

[1]) Ib., l. VI, Rubr. de les lexes qui seran feytes, § V.
[2]) Ib.
[3]) Ib., l. VI, rubr. de servus qui fugen, § 2.

но влечь за собою ни малѣйшаго ущерба для собственника [1]). Отто-го собственнику предоставлено было право требовать возвращенія принадлежащаго раба даже отъ третьяго лица, не говоря уже о томъ, что право это признавалось во всей его широтѣ и тогда, если дѣло шло о рабѣ, утверждающемъ, что онъ получилъ свободу [2]). Даже и въ случаѣ подтвержденія факта освобожденія даннаго раба, если только оказывалось, что послѣдній не выполнилъ хотя бы самаго не-значительнаго изъ условій, по которымъ онъ получилъ свободу, права на него его бывшаго владѣльца считались достаточными для оправданія захвата этого раба [3]). А мы видѣли уже выше, съ какою заботливостью старались охранять интересы рабовладѣльцевъ Руссильона и короли Арагона, а затѣмъ и короли Испаніи.

Понятно, что вполнѣ неограниченнымъ являлось и право владѣльца освобождать принадлежащаго ему раба. Нотаріальные акты Руссильона, гдѣ освобожденіе посредствомъ нотаріальной сдѣлки было преобладающею, можно сказать, исключительною формою, обрисовываютъ вполнѣ ясно характеръ и цѣли этого освобожденія. Несомнѣнно, бывали освобожденія, исходившія изъ религіознаго чувства, но они были сравнительно рѣдки. Да даже если и бывали, то весьма часто сопровождались требованіемъ отъ раба службы въ теченіе опредѣленнаго срока. Освобожденная въ 1465 г. русская рабыня Марія, обязана была, напр., служить своему господину въ теченіе двухъ лѣтъ; на одну сарацынку, освобожденную „pour amour de Dieu et par pieté“, возложена была обязанность уплатить сполна всю ту сумму, за которую она была куплена, и сверхъ того еще и прослужить даромъ въ теченіе одного года. Но еще чаще мы встрѣчаемся съ случаями, болѣе характерными. „Освобожденіе, говоритъ Brutails, служило предлогомъ для самыхъ постыдныхъ спекуляцій“. Многіе владѣльцы продавали свободу своимъ рабамъ за сумму, значительно превышавшую стоимость ихъ при покупкѣ. Обязанность со стороны раба выплатить сполна его стоимость при покупкѣ было самымъ обыкновеннымъ, зауряднымъ явленіемъ, причемъ отъ воли собствен-

---

[1]) Ib., rub. id., § 1: „la furta dels seruus e dels catius, per qual rao que sia, a lur senyors no deu esser dampnos“.

[2]) Ib., l. VIII. rubr. de evictions, § XI.

[3]) Ib., l. II, rubr. daquels qui seran apsylats, § 2

ника зависѣло или требовать эту сумму сразу, сполна или разсрочить платежъ на тотъ или иной, большій или меньшій срокъ. Почти постоянно требуется сверхъ того отъ раба въ вознагражденіе за полученную свободу отбываніе службы. Не мало находимъ мы и такихъ сдѣлокъ, гдѣ рабу давалась свобода, но подъ условіемъ вѣчной службы господину, освободившему его, въ качествѣ уже не раба, а крѣпостного, propriu et soliu. И горе было освобожденному рабу, если онъ нарушалъ хоть въ чемъ нибудь обязанности, возложенныя на него его владѣльцемъ. Достаточно было не уплатить взноса въ срокъ, или не исполнять такъ службы, какъ того желалъ господинъ, или бѣжать, или оказаться неблагодарнымъ и провиниться въ чемъ-нибудь предъ владѣльцемъ, и отъ акта освобожденія не оставалось ничего. Онъ считался уничтоженнымъ ipso facto, и владѣлецъ вступалъ по отношенію къ освобожденному рабу во всѣ прежнія свои права Единственною гарантіей для освобожденнаго раба являлось лишь то обстоятельство, что въ случаѣ заявленія претензіи къ нему со стороны его владѣльца и обвиненія въ неблагодарности, оцѣнка факта поведенія его отдавалась на судъ двухъ лицъ, одного по выбору владѣльца, другого—по выбору раба. Только по исполненіи всѣхъ наложенныхъ на раба обязательствъ рабъ получалъ свободу, становился ingenuus, не подчиненнымъ болѣе своему владѣльцу. Какъ вещь, онъ не имѣлъ своего имени, пока былъ рабомъ. Однажды онъ дѣлался свободнымъ, онъ получалъ право носить фамилію своего владѣльца. Изъ этихъ то освобожденныхъ рабовъ сформировался мало по малу въ Руссильонѣ особый классъ, прежнее рабство котораго оставалось для него вѣчною кличкою. Въ случаѣ заключенія такими лицами какихъ либо сдѣлокъ, нотаріусы всегда отмѣчали, что такой то—прежній рабъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ для болѣе подробнаго изслѣдованія положенія и правъ, какъ этого класса, такъ и того, въ составъ котораго вошли лица propriu et soliu, т. е. крѣпостные.

Если мы обратимся къ кутюмамъ Тортозы, то юридическій характеръ актовъ объ освобожденіи рабовъ выяснится съ большею полнотою.

Существовало два выхода изъ рабскаго состоянія: одинъ—съ помощью закона, другой—въ силу доброй воли владѣльца. Первый имѣлъ лишь самую ограниченную сферу дѣйствія. Мы уже видѣли, въ чемъ заключался онъ. По закону свобода давалась рабу, если онъ

крестился въ то время, когда владѣльцемъ его былъ еврей или мавръ, или если онъ былъ плодомъ связи христіанина съ еврейской рабыней и получилъ крещеніе. Серьезное значеніе имѣлъ, поэтому, лишь второй путь, ведшій къ освобожденію: воля господина. Послѣдній, согласно съ кутюмами Тортозы, могъ освободить (enfranquir) раба либо словесно, либо посредствомъ письменнаго акта (ab carta ó meyns de carta), либо при помощи завѣщанія, и во всѣхъ случаяхъ при тѣхъ условіяхъ, какими онъ желалъ обставить освобожденіе, т. е. или даромъ, безъ вознагражденія (sens reenço), или подъ условіемъ возврата той либо иной суммы, срочной или безсрочной службы и т. п. [1]. Кутюмъ предоставлялъ въ такихъ случаяхъ и рабу право заключать договоръ съ владѣльцемъ. Въ такой договоръ вносились всѣ условія (emprenimentѕ), нарушеніе которыхъ уничтожало силу акта [2].

Отъ той или иной формы акта освобожденія и договора зависѣли и слѣдствія его для освобожденнаго раба.

Если рабъ невѣрнаго владѣльца крестился,—онъ получалъ полную и неограниченную свободу тотчасъ же послѣ совершенія надъ нимъ таинства. То же и въ случаяхъ завѣщанія, если дарованіе безусловной свободы было внесено въ него и если рабъ, будучи невѣрнымъ, принималъ крещеніе. Для невѣрныхъ рабовъ дѣйствіе завѣщанія начиналось не съ момента смерти завѣщателя,—какъ то было для рабовъ христіанъ,—а лишь послѣ совершенія надъ ними крещенія. Но значительно инымъ характеромъ отличались статьи кутюма, касавшіяся актовъ освобожденія, вытекавшихъ изъ воли владѣльца. Свобода, получаемая рабомъ въ силу договора съ владѣльцемъ, получала свою силу и значеніе лишь послѣ выполненія всѣхъ условій договора. Въ теченіе всего періода времени отъ заключенія договора и до окончанія выполненія условій его, рабъ не считался лицомъ sui juris, а находился, по выраженію кутюма, en estat de libertad; владѣлецъ продолжалъ пользоваться по отношенію къ своему старому рабу всѣми правами, и освобожденный не имѣлъ права располагать ни своею личностью, ни имуществомъ, ни вступать въ какія либо сдѣлки безъ вѣдома и согласія владѣльца. Отсюда вытекало предпочтительное

---

[1]) Costums, l. II, rub. covenences feytes entre senyor e seruus, § 1; ib., l. VI, rubr de ordenac. testem., § 4; l. II, rubr. id., § 1, и др.

[2]) Ib., l. II, § 2.

предъ всѣми кредиторами освобожденнаго раба право владѣльца на уплату должнаго ему рабомъ. Даже городское управленіе не имѣло права распоряжаться рабомъ и присуждать его, и все это въ силу того, что владѣлецъ далъ рабу свободу [1]). Сверхъ того владѣльцу принадлежало право принуждать освобожденнаго къ исполненію условія, также какъ и право продать его, въ случаѣ неисполненія договора, продать, не обращаясь къ помощи ни административной, ни судебной власти, и завладѣть всѣмъ его имуществомъ [2]).

Не получалъ рабъ полной свободы и тогда, когда владѣлецъ давалъ ему эту свободу даромъ (sens reenço, à titre gratuit). Рабъ переходилъ въ этомъ случаѣ въ классъ лицъ, носившихъ названіе libert'овъ. Владѣлецъ считался его патрономъ, и освобожденный обязанъ былъ по отношенію къ нему опредѣленными обязанностями. Этимъ обязанностямъ кутюмъ Тортозы давалъ специфическое названіе obres dels liberts, которыя были и положительнаго, и отрицательнаго характера. Такъ, онъ обязанъ былъ почитать своего патрона, служить ему и сопровождать его, когда онъ того требовалъ, назначать его своимъ наслѣдникомъ въ третьей части имущества въ случаѣ отсутствія потомковъ, и это подъ угрозою потери правъ, если онъ, освобожденный, отступитъ отъ этой обязанности. Затѣмъ, съ другой стороны, освобожденный не имѣлъ права возбуждать обвиненія противъ патрона въ воровствѣ, грабежѣ или иномъ позорящемъ его преступленіи, являться, безъ вызова суда, добровольнымъ свидѣтелемъ противъ него, его жены, дѣтей, потомковъ и наслѣдниковъ, подъ угрозою штрафа, и вообше совершать что либо во вредъ или въ безчестіе патрону [3]).

И. Лучицкій.

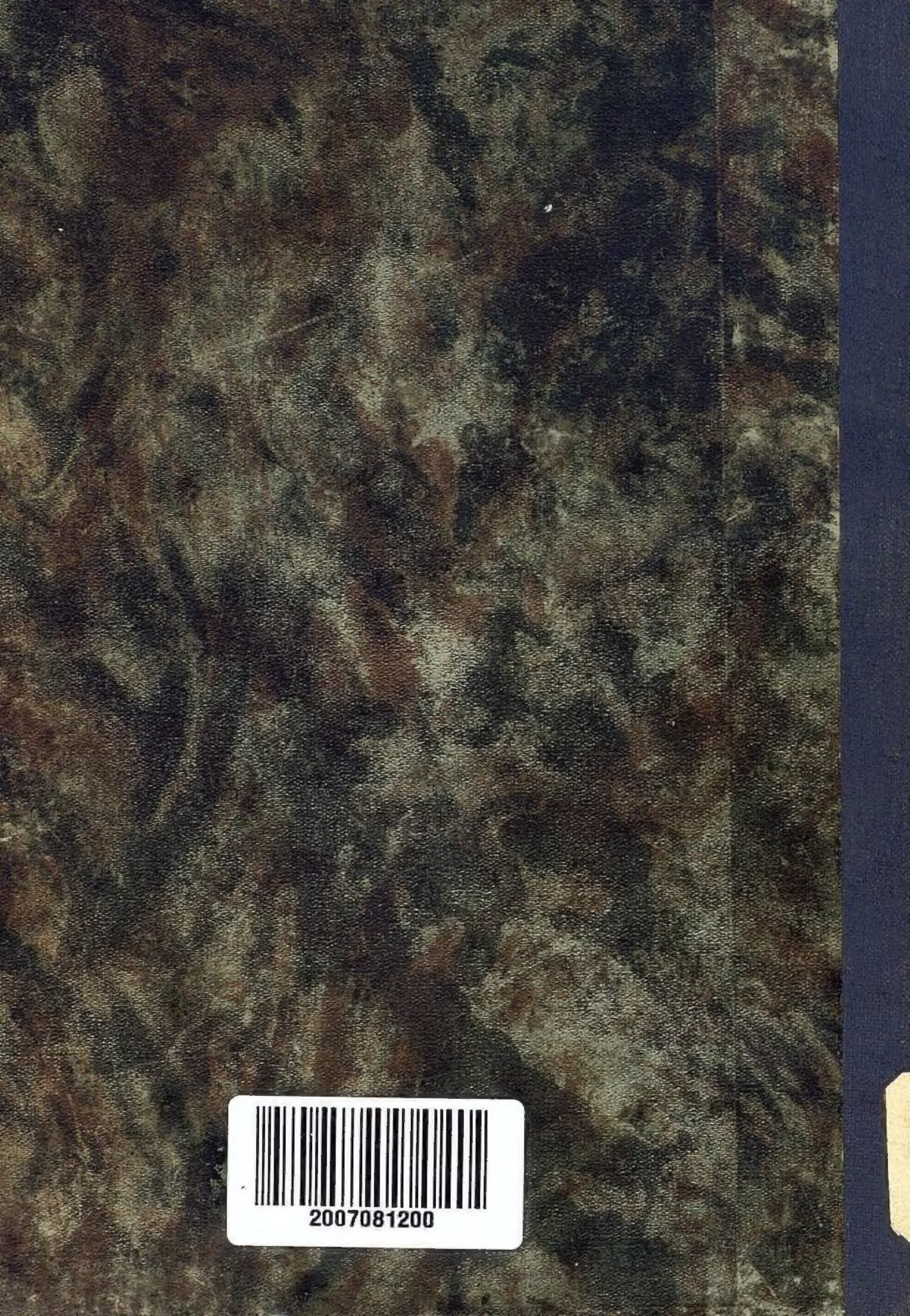
[1]) Ib., l. II, rubr. 3, § 2. „Dementre lo catiu o la cativa deja re de la reenço tota via roman la senyoria deves lo senyor ab qui's sera avengut, en axi que ell et tots los seus bens son e romanen obligats deves lo senyor, qu'el catiu o cativa de si ni de renque ajen no poden donar ni servir a nuyl hom, sens volentat d'aquel senyor. E tota via en ell et en tots los seus bens es mils et primer que nuyl hom. E senyoria de Tortosa no pot, destreyner ne forçar los dits seruus que facen re per ells, dementre que re degen al senyor per rao de la franquea qu'els dona“.

[2]) Ib.

[3]) Ib., l. II, rubr. de covinences, § 1; l. II, rubr. daquels qui seran apeylats en juh, § 1 и 4; l. IV, rubr. de testibus, § 3.

20

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1886 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.
Кіевъ. Въ Университетской типографіи, Пироговская ул., д. № 4.

2007081200